Веркина любовь

Легенда

Красная горка – праздник в первое воскресенье после Пасхи. Называется так потому, что гулянье проходит на красивой горе, освободившейся уже от снега. В этот день нужно обязательно веселиться, чтобы год был удачный. У молодых ещё свой интерес: кто женишка присматривает, кто невесту выбирает, а кто и сватов засылает. На Красную горку много свадеб играли. А если девка в этот день останется дома – не выйдет замуж нынешний год. Без любимого праздничать – к расставанью. Обычай от старых времён идёт. В Новой Пристани всегда гуляли на скалистом отроге Ваньковой горы.

В тот праздник было тепло, весело: пели, водили хороводы, потом девки стали плясать. На Красную горку надевали они красные сарафаны, в косы – красные ленты. От каждой – глаз не отвести: кружились, будто ветром носило их по горе. И вдруг одна пропала, самолучшая – Верка. Плясала она свой огненный танец, красным веретеном крутилась на краю и... Ещё пели, ещё плясали девки и парни на горе. А под горой плакала старая берёза, согнувшись до земли. Ручьями текли слёзы по корявому стволу: на острых камнях у дороги лежала Верка.

Верка из Парамоновки. Эта деревушка приютилась у Новой Пристани, а большую славу имела – знали о ней даже в Златоусте. И всё через Верку. Видная была девка. Ещё отроковицей выделялась из подружек: брови – соболиные, глаза – синие, щёки – кровь с молоком. Подрастала Верка, и слава о ней росла. Девка была уже на выданье. Смеялась всё: «За ближнего замуж не пойду – за дальнего пойду». А парням – обида! От Парамоновки до Ваняшкино все злыми шмелями гудели: «Появится залётный ухажёр – узнает, как чужих девок завлекать!» Качали головами бабы, собравшись у колодца. Воду забывали набрать.

Ох, уж эта Верка – маята всей деревне. Она, бывало, только подходит к Новой Пристани, а мужики выглядывают: к кому завернёт. Бабы коромысло на плечо – бегом к колодцу: Верка объявилась! Многие желали в снохи её заполучить: и хозяйству прибыль – сундук приданого, и внуки будут – загляденье. Только Верка от местных женихов нос воротила. Наливалась соком и томилась ожиданием – ведь был дальний-то.

Прошлый год, на Медовый Спас, поехала она к сродникам в Сатку. А там, на городской площади, – праздничное гулянье с песнями, забавами да плясками. Верка похороводилась, а плясать не пошла: смотрела, прихлопывала да притопывала. Когда же песни заиграли – не стерпела, так выголашивала – других не слыхать было. Родня саткинская горделиво оглядывалась по сторонам: «Племяшка наша. Из Парамоновки, что в Новой Пристани». Тогда и подошёл к ней добрый молодец. Высота, красота – всё при нём. И такой полушалок подарил – Верка сама себе позавидовала! «Услышали мы, как новопристанские красавицы поют. Поглядеть бы ещё, как пляшут», – это он ей с улыбочкой. А Верка ему: «Приезжайте к нам, поглядите. За погляд денег не берём». Востра была на язык. И это ему понравилось, по всему видать было: певуньям орехи да изюм горстями раздавал. Приехать обещался.

И приехал в Рождество. На праздничном гулянье угощал всех баранками, пастилой яблочной, семечками, квасом ядрёным. Мужикам, понятное дело, выставил хмельное. Веркиным подружкам – платки кумачовые, а Верке – шаль кашемировую. Умаслил всех. Захмелевшие Веркины братья уже губы раскатали: засылать будет сватов на Красную горку, не зря так тратится. Бабы, лузгая дарёные семечки, судачили.

– Хахель-то ейный взялся откудава? И при деньгах.

– В Сатке видали его.

– Кто ж таков?

– Сказывали, Лексеем звать.

– Из каких будет?

– Поспрашивать нешто на базарах?

Поспрашивали. И скоренько уже Новая Пристань знала, что в Сатке он гостил у крёстного, а живёт в Златоусте. Отец держит бакалейную лавку. Живут справно.

Проводила своего ухажёра Верка и покой потеряла. Играет кровь, бурлит так, что девка на месте минуты постоять не может. Крутится по избе – в глазах рябит. Смотрят братья, смотрят, плюнут – и на улицу.

– Хоть бы кто засватал её скорей!

– Такая заполошная всех баб в дому перессорит.

– Ох, Верка, закрутилась, как раскручиваться будешь?

А Верка об этом не думала. Летала по избе с улыбочкой да припевочкой, в руках – сноровка, придраться не к чему. Вот уже и праздник на носу – Красная горка. В день этот даже самая тёмная душа светлеет, а холодная отогревается. Сердце вещает: радость к людям идёт. А в тот праздник за радостью беда явилась. Подкрадывалась долго, подползала, как гадюка, и ужалила!

Верка плясала на самом краю горы – заглядывала на дорогу. Так ждала своего Алексея – полететь бы ему навстречу голубицей. А полетела камнем!

Эх, Верка ты, Верка из Парамоновки! Красивая, с хорошим приданым, мечтала выйти замуж на Красную горку. А не приехал жених-то... В деревнях часто бывало: гуляет парень с одной – сватов засылает к другой. Так и с Веркой получилось. Перешла ей дорогу толстая и рябая, но богатющая Фёкла златоустовская. На неё указал Алексею отец. Решил он поправить свои торговые дела. Загодя узнал: Веркиному сундуку с Фёклиными сундуками не тягаться. Воле отца покорился Алексей. На Красную горку вёл он под венец постылую. А милая по краю горы металась, высматривала его и сорвалась. Замертво скатилась она к подножью крутой скалы. Когда нашли Верку, дивились: лежит бездыханная, вся побитая и улыбается. Знать, голубицей полетела душа её к любимому.

Веркиной горушкой стали называть парамоновцы эту скалу. А новопристанцы, скорбя о девичьей судьбе, дали ей другое имя – Веркина любовь.

Король и Королевна

Легенда

Выше Новой Пристани, на левом берегу Лунной реки, стоят два исполинских каменных столба. Это Король и Королевна. Легенда о них из глубины гор пришла. Давненько это было. Местные узнали о ней от старожилов. Те в пещеры часто наведывались: клады всё искали. Случалось, что находили.

И вот как-то раз новопристанские мужики нашли в закутке Ваняшкинской пещеры знаки да рисунки, на стенах выбитые. Разглядывали, судили-рядили: о чём там речь? Благо нашлись грамотные люди, растолковали.

По всему выходило, что художник тогдашний поведал о несчастной девичьей любви. Молодые были царского рода. Он спесивый такой, явно – Царь. Она, похоже, ещё не мужняя жена, Царевна, стало быть. Но ему подстать.

И тут мужики вспомнили, что у пещеры-то две скалы высоченные рядышком стоят. «Вот о ком здесь прописано», – сообразили новопристанцы. А потом задумались, сомневаться стали.

– При несчастной любви наша-то брошенка слёз реки наплачет! С горя может и в омут – головой! А эта – видали, что учудила?!

– Царь да Царевна шибко велики. Мы отродясь про таких не слыхали.

– Да, пришлые они. Явились незнамо откуда и пропали. А грамотку всё ж таки оставили, чтобы, значит, их урок – нам впрок.

– Западным ветром их занесло – тамошние повадки! Слыхали небось!

Тогда и решили местные мужики: стоят у Ваняшкинской пещеры Король с Королевной. Про них эта легенда.

Жили когда-то в пещерах на Лунной реке люди-великаны. Каждая пещера была королевством. Молодого Короля с левого берега все считали завидным женихом. После смерти отца он получил богатое наследство. Ещё при жизни старого короля разнеслась по Лунной реке слава о Большой Ваняшкинской пещере. «Какие там великолепные сталактитовые дворцы, какие огромные залы-гроты!» – завидовали ближние и дальние соседи-короли. И все мечтали породниться с богатым наследником. А у того на уме были одни забавы, пирушки с друзьями да охота.

Старый король избаловал сына: мальчик рано остался без матери, тосковал после её смерти. Отец поручил его воспитание придворным, которые только развлекали королевича. Он рос, требуя удовольствий всё больше и больше. Когда получил трон – уже никто ему был не указ! Что ни день, то во дворце девицы и друзья – толпами, вино – бочками, гулянки – ночи напролёт.

А ведь у него была невеста – дочь соседа из пещерного королевства Новой Пристани. Отцы-короли дружили, договорились породниться, когда дети подрастут. Королевна знала о том договоре и влюбилась в королевича, когда была маленькой девочкой. Родители воспитывали её в строгости, напоминали постоянно, какой должна быть королевская невеста. Она выросла, превратилась в умную и красивую, но гордую и вспыльчивую девушку, которая хотела поскорей выйти замуж за Короля.

Наконец, он решился на смотрины и пригласил Королевну в гости. Устроил торжественную встречу, показал великолепные дворцы, лабиринтами провёл по всем залам – хвалился. Невеста удивлялась и восхищалась. Жених самодовольно улыбался. Придворные радовались за своего Короля! Потом был праздничный обед.

В середине его Король оставил гостью, сославшись на то, что ему нужно сделать важные распоряжения. Придворные развлекали Королевну рассказами о богатствах Короля, охотничьих трофеях, расхваливали его достоинства. Время шло...

Обед закончился, а Король всё не появлялся. Придворные уже не знали, чем занять гостью. Королевна захотела подышать свежим воздухом. Придворные с радостью предложили ей прогуляться по галерее, полюбоваться Ваняшкинскими притёсами. Здесь они каменной дугой опоясали долину Лунной реки. Королевна вышла из дворца в сопровождении свиты и глазам не поверила: на выступе галереи стоял Король! Весёлый и хмельной, он расточал любовные улыбочки завлекательным подружкам своего окружения. Обнял одну игривую и... поцеловал, смеясь, повернулся к другой и...

Ревность захлестнула сердце Королевны, лишила разума. Выхватила она у стражника меч – одним взмахом отсекла Королю голову. Гром страшной силы прогремел в безоблачном небе! Король качнулся – застыл каменным изваянием! Каменная голова рассыпалась в куски, они скатились по крутому откосу. Отчаянный крик эхом отозвался в горах! Королевна, опомнившись, ужаснулась, похолодела от непоправимого – окаменела! Испуганная свита бросилась в пещеру, закрыла наглухо тяжёлые двери.

Три дня из горных расселин текли солёные ручьи. Вскрикивая, катились камни. Глухой стон плыл по реке. С тех пор никто больше не видел людей-великанов. Опустели все пещерные дворцы на Лунной реке. Только Король и Королевна, превратившись в безмолвные скалы, так и стоят рядом...

Подарок Пугачёву

Легенда

31 мая 1774 года, после полудня, на заводской площади народ собрался – яблоку негде упасть. Толпа возбуждённо гудела. Сатка ждала приезда «императора Петра Фёдоровича Третьего». Наконец, ударил колокол! И сразу всё смешалось: стреляли из пушек, ружей, визжала толпа...

На Луговой улице появился всадник на белом коне! Большая свита окружала его. Зазвонили все колокола! Работные люди, крестьяне, обыватели встретили «царя-надёжу» неистово громкими криками! В новом кафтане, расшитом красными галунами, Пугачёв молча кланялся заводскому народу.

Расположился в просторном особняке барона Строганова. Правда, последнее время дом принадлежал уже новому хозяину. Саткинский завод у барона купил за 204 тысячи рублей Ларион Иванович Лугинин. Всеми хозяйственными вопросами у него ведала приживалка, Василиса Власьевна Шарабанова. Дюжего проворства, крутого нрава, великого ума была женщина. И знатная травница. По годам старухой считалась, но лицом – молодые завидовали! Двум владельцам завода угождала и удостоилась чести – самому «государю» услужить. Вот как это было.

Ещё осенью 1773 года, когда на заводе появились крамольные «царские манифесты», Лугинин всё добро своё ночью тайно вывез. Спрятал в пещерах на Лунной реке и сам исчез. Весной 1774 года на заводе уже открыто поговаривали о Пугачёве. Тогда убралась из господского дома и Шарабаниха – от греха подальше. Как ни отговаривали приказчики хозяина – поселилась у дальней родственницы на заводской окраине. Что благоразумно и дальновидно сделала, подтвердилось вскорости.

В день, когда Пугачёв прибыл в Сатку, на заводской площади у православной церкви Живоначальной Троицы «государевым судом» казнили лиходеев – купцов и зловредных лугининских приказчиков. Повесили всех.

И вечером того же дня состоялся пир. Во дворе особняка радостям не было предела. Громко пели атаманы, драли глотки пушкари, кружились девицы в цветастых сарафанах, трясли зипунами мужики. «Государь», хмельной и довольный, сидел у открытого окна господского дома. И среди этого шумного веселья увидел юную красавицу: из-под кашемирового платка выбились локоны длинных вьющихся волос, сверкающие глаза, задорная улыбка...

Горячая казацкая кровь ударила Пугачёву в голову. Атаманы под руки вывели его во двор.

– Спляши, государь-батюшка! Не прогневайся, спляши! – буйно взревела толпа и расступилась.

На круг лебёдушкой выплыла Дуняша Невзорова. Все ждали, когда начнёт плясать «император». Но хмельной «государь» неожиданно бодрым шагом подошёл к Дуняше и поцеловал её в губы. Толпа ошарашенно замерла. Потом кто-то тихонько крякнул и невпопад пронзительно заорал:

– Горько-о-о-о!

– Горько! Горько! – подхватили другие чёрные людишки.

Вновь забурлило, пришло в неописуемое волнение застывшее людское море. В ту памятную ночь заводское простонародье прозвало Дуняшу Невзорову «саткинской государыней».

Три дня гудела свадебным разноголосьем Карагайская гора. Оттуда и приполз слушок: казаки расспрашивают людишек о Шарабанихе. Когда Василиса Власьевна узнала об этом, перепугалась до смерти! Её внук помогал Лугинину прятать добро. Потом исчез вместе с хозяином. От внука Шарабаниха узнала, что сокровища были несметные: жемчуг, драгоценные каменья, слитки золота и серебра. Она рассказала об этом только куме, у которой жила, таясь от людей. А через малое время слух о лугининских кладах стал гулять по заводскому поселению. Дошёл, видать, и до Пугачёва.

Притащили молодые казаки Шарабаниху к «государю-батюшке». Старуха завыла, упала в ноги «Третьему императору». Её подняли, усадили рядом с креслом Пугачёва. «Царь-государь» был уже наслышан о Шарабанихе. Смотрел на неё с интересом, прятал улыбку в бороду. Расспрашивал вежливо. И Василиса Власьевна воспрянула духом, приосанилась.

О чём шла беседа, старуха никому не поведала, была учёная. Только знающие люди рассказывали, что Шарабаниха ещё раз побывала у Пугачёва, но уже своей волей. Принесла ему подарок на расшитом полотенце – глиняный горшок с крышкой. «Вот, государь, будь здрав на многая лета!» – Шарабаниха, передав подарок, бухнулась на колени, лбом в пол.

Лицо у «государя» потеплело. Старуху подняли. Пугачёв, благословив крестным знамением, высыпал ей в ладонь горсть золотых монет и велел подарить шаль пуховую козью. Шарабаниха прослезилась, усердно высморкалась, потом обняла за плечи и крепко поцеловала Емельяна Ивановича в его чёрную подстриженную бороду. Молодые казаки рты разинули.

Покинул Сатку Пугачёв 5 июня. Уехали с ним в обозе и «государевы жёнки». Первая среди них – «саткинская государыня», Дуняша Невзорова. «Цариц» у Пугачёва было не счесть. Но Дуняшу «царь» Емельян Иванович полюбил особой «царской» любовью. Молода она была, всего 15 лет.

Провожали Пугачёва, махали старухи, молодайки пучками кислицы, как цветами: зубы у всех белые, щёки румяные и пахнут вкусно. Это в заводском поселении всем мужикам было известно. Часто потом они вспоминали те проводы, перемывали косточки «императору Петру Фёдоровичу Третьему». Знал он, видать, за что Шарабанихе полную горсть золотых монет отвалил, не за сплетни же о лугининских кладах. Бывало, сядут вечером на завалинки, рассуждают...

– Думается мне, Пугачёв получил от Шарабанихи то, что дороже золота для укрепления силы мужчинской, – кислицу. Её в степях не найдёшь.

– Известное дело, она растёт на высокогорных лугах. Жёнкам-то нашим такой подарок весной – завсегда самый лучший. Девицы становятся игривые, молодайки – шустрые. – Мужики посмеивались, хитро подмигивали.

– Старухи и те, когда пьют чай с кислицей, пареной в меду, перед самоваром прихорашиваются.

– Ребятишки как на дрожжах растут. Вот что кислица с людями делает!

Старики морщили лбы, скребли корявыми пальцами бороды.

– А сказывали, будто ещё Строганов горшки с нашей кислицей завсегда в столицу отправлял, к императорскому, значит, столу.

– Про это и спознал, видать, Пугачёв. Стал «царём», и захотелось ему такой сладости отведать. Как раз угадал по времени!

– Опять же, не зря в обозе целую телегу кислицей нагрузили. И «царицам» развлечение – кислицу дорогой чистили. Ели, смеялись – весело ехали!

Долго вспоминали в заводском поселении и Дуняшу Невзорову. Она не потерялась, не погибла в боях и пожарищах крестьянской войны. Пугачёв отпустил её на правом берегу Волги, ниже Царицына. Отдал, прощаясь, свой пояс, набитый червонцами.

И Дуняша Невзорова вернулась домой. Вышла замуж за тридцатилетнего крепостного рабочего Фёдора Аристова из Новой Пристани, откуда шли караванами барки с чугуном саткинским и железом по реке Ай и дальше по Каме, Волге, до Нижнего Новгорода. Природа в Новой Пристани чарующая. Редко встретишь где такую изумительную красоту. Но тяжкими были плоды труда работных людей.

Замужнюю жизнь Евдокия Ивановна Невзорова-Аристова прожила степенно, родила 14 детей. Умерла в 1840 году. Было ей за 80 лет, а на лице – ни морщинки. Новопристанские старички, глядя на неё, вспоминали Шарабаниху. Рассказывали о подарке «императору Петру Фёдоровичу Третьему» внукам и правнукам. Ещё до недавнего времени родственников Дуняши Невзоровой называли «пугачами» в здешних местах. Людская молва – речная волна.

Новая Пристань сегодня – это гавань для путешествующих по Лунной реке и для тех, кто до сих пор ищет лугининские клады.